Рецензии и обзоры

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-129-137

Боги, герои, менестрели и монахи

Рецензия на книгу:

Памятники книжного эпоса Запада и Востока /
сост. и ред. С.Ю. Неклюдов, Н.В. Петров; сост. указ.
С.С. Макаров. М.: ИНФРА-М, 2018. 481 с.

Мария-Валерия В. Моррис

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, maire.morris87@gmail.com*

*Для цитирования: Моррис М.-В.В. Боги, герои, менестрели и монахи
[Рец.]: Памятники книжного эпоса Запада и Востока / сост. и ред.
С.Ю. Неклюдов, Н.В. Петров; сост. указ. С.С. Макаров. М.: ИНФРА-М,
2018. 481 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3.
№ 4. С. 129–137. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-129-137*

Gods and heroes, minstrels and monks

Book review:

Neklyudov, S.Yu. and Petrov, N.V. (comp., eds.),
Makarov, S.S. (comp. of the index) (2018),
Literary epics of the West and East, INFRA-M,
Moscow, Russia, 481 p.

Mary-Valerie V. Morris

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia; maire.morris87@gmail.com*

*For citation: Morris, M.-V.V. (2020), "Gods and heroes, minstrels and monks
[Book review]: 'Neklyudov, S.Yu. and Petrov, N.V. (comp., eds.),
Makarov, S.S. (comp. of the index) (2018), Literary epics of the West and
East, INFRA-M, Moscow, Russia, 481 p.' ", *Folklore: Structure, Typology,
Semiotics*, vol. 3, no 4, pp. 129–137, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-
129-137*

© Моррис М.-В.В., 2020

Посвященное эпосу новое издание Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ предлагает нам посмотреть на памятники героического эпоса в контексте взаимодействия устности и книжности в эпических традициях – как в формате всестороннего аналитического обзора того или иного текста или цикла, так и в формате исследования через более узконаправленную оптику, но вместе с тем помещающую памятник в широкий междисциплинарный (в том числе исторический и даже политический) контекст.

Основная же научная проблема, которой так или иначе касаются все представленные в книге работы, заключается в соотношении устности и книжности в эпических традициях – как в генезисе рассматриваемых памятников, так и в их бытовании. Взаимодействие устной и книжной традиции, характер и диахроническое представление взаимных заимствований – этому посвящены составляющие монографию статьи крупнейших специалистов по соответствующим национальным фольклорным и литературным традициям. Разнообразно не только предметное поле представленных в сборнике исследований – от древнеирландской традиции до «Гесериады», от эпоса о Гильгамеше до русских богатырей, но и исследовательские оптики и методологические подходы. Однако «красной нитью» через всю монографию проходят, в частности, эпическая теория Пэрри–Лорда и проблема формульности эпоса (а также контекстуальные импликации специфической формульности).

Открывает «Памятники...» вступительная статья С.Ю. Неклюдова и Н.В. Петрова «Эпос в мировой литературе», касающаяся понятия героического эпоса как такового и его типологии. Героический эпос, с одной стороны, полон универсалий, по ряду параметров все эпические традиции довольно единообразны: как в своих содержательных элементах (определенные мотивы и сюжетные ходы), так и в структурных (принципы жанрово-композиционного построения эпоса). Однако неверно было бы полагать, что подобное единообразие означает, что все эпосы скроены по одному «лекалу»: именно многообразию эпических традиций и посвящена монография. Построена она по следующему принципу: после вступительной статьи следует основной раздел, состоящий из обзорных статей, посвященных тому или иному знаменитому книжноэпическому памятнику, а завершает ее составленный С.С. Макаровым предметно-тематический указатель основных упоминавшихся в монографии элементов эпического сюжета.

Первая типологическая дихотомия, с которой читатель знакомится уже в открывающей статье, заключается в выделении «больших» и «малых» форм эпоса; о первичности той или иной из них до сих пор ведутся споры. Ученые-«унитарии» полагают, что пер-

вичны целостные тексты, впоследствии распадающиеся на более разрозненные «малые» формы, а фольклористы-«аналитики» придерживаются обратной позиции, согласно которой грандиозные эпические циклы либо складываются на основе ряда малых форм, либо появляются из некоего «первоначального ядра», но в любом случае являются завершающим этапом эволюции эпической формы, а не первичным. Однако наблюдения за живой устной традицией скорее показывают нам, что «малые» и «большие» формы эпоса, хотя проблема сравнительной древности и архаичности той или иной из них остается актуальной, способны появляться и функционировать независимо друг от друга. Более актуальной представляется дихотомия линейной и концентрической эпической циклизации: связанное повествование о жизни героя (или целого рода героев) «против» консолидации отдельных «малых» текстов, связанных сквозными персонажами и локализацией событий в хронотопе эпического текста. При этом теория «первоначального ядра» говорит о том, что разработка и «разрастание» конкретного мотива может приводить к расширению единичного текста до эпического цикла: один поединок превращается во множество со сменяющимися друг друга противниками, герой первоначально скупого повествования «обретает» генеалогию, особые обстоятельства рождения и пр., что также заслуживает упоминания в тексте; имманентная вариативность фольклора также приводит к тому, что импровизация исполнителя может со временем усваиваться традицией не только в качестве варианта исходного текста, но и в качестве нового текста – если амплитуда варьирования набирает достаточную широту.

На основе разобранных выше дихотомий С.Ю. Неклюдов и Н.В. Петров выделяют две типологические формации эпоса. Архаический эпос остается более близким архаической богатырской сказке и даже включает в себя элементы «шаманской» поэтики. Его герой выступает гармонизатором миропорядка от лица общности носителей традиции (которая приравнивается к роду человеческому вообще), дает бой хтоническим силам, кладет начало различным социальным институтам и практикам. К этому типу можно отнести тюркско-монгольский, карело-финский, «нартский» эпос и др. Классический эпос более «реалистичен», вместо демонических персонажей его герою противостоят условно исторические враги, а за описываемыми перипетиями можно усмотреть мифографическое изложение реальных исторических событий. Тем не менее авторы предостерегают читателя от вульгарного эвгемеризма и вчитывания в «классический» героический эпос характера искаженной и мифологизированной исторической хроники; скорее, из «историчных» деталей эпос пересобирает

собственный, эпический хронотоп, который, несмотря на установку на достоверность, существует по своим, особым законам.

Наконец, авторы касаются различных аспектов взаимодействия устной и письменной фольклорной традиции, а также развенчивают сверхзначимость понятия «книжный эпос» – несмотря на то что именно книжноэпические памятники и составляют основное предметное поле представленных в монографии статей, нельзя говорить о каком-либо жанровом единстве книжного эпоса либо о единообразии его положения в исходной традиции.

Опишем представленные в монографии работы чуть подробнее.

Так, статья Н.Г. Рудик об эпосе о Гильгамеше открывается (после краткого вступления об истории обретения первого из найденных вариантов текста) с изложения канонической редакции эпоса: перечня действующих лиц и пересказа содержимого глиняных табличек. Затем мы подробнее знакомимся с самим Гильгамешем как с мифологизированным историческим лицом (отделить предание от фактов в жизнеописании которого, впрочем, совершенно невозможно), с историей создания эпоса о нем и с сопутствующими поэмами о Гильгамеше, не вошедшими в «классический» цикл. После обзора средневавилонской и новоассирийской версий эпоса мы встречаемся с канонической ниневийской версией (точнее, ее реконструкцией) и ее предполагаемым компилятором Син-леке-унинни. Затем статья переходит к анализу языка и композиции эпоса и его бытования. Таким образом, мы получаем практически полный портрет вкупе с изложением синопсиса, эпоса о Гильгамеше, которого совершенно достаточно, чтобы начать до известной степени не только свободно ориентироваться в сюжете памятника, но и составить довольно обширное представление о нем с историкокультурной точки зрения.

Более «прицельна» оптика Н.П. Гринцера, в которой гомеровский эпос предстает перед нами через призму истории различных гомероведческих школ и научного гомероведения в целом – от «Пролегомена» Вольфа до новейших исследований. В статье описывается развитие гомероведческой литературы от школы «аналитиков», объяснявших различные несообразности и несогласованности в текстах «Илиады» и «Одиссеи» разновременным сложением эпоса (и его конструированием либо из множества кратких сказаний, либо путем прирастания «основного ядра» новыми версиями и сюжетными поворотами), до «новых аналитиков», отстаивавших, в свою очередь, теорию о намеренной соотносительности гомеровского текста с предшествующей эпической традицией – что с необходимостью делало их взгляды ближе к таковым унитариев. Еще одна рассматриваемая школа – так называемая устная теория, помещавшая гомеровский текст в область в том

числе живых общих традиций. Далее в статье исследуются формульность и вариативность гомеровского эпоса и различные их трактовки, соотношение формулы и темы в рамках «устной теории». Знакомимся мы также с историей сложения и письменной фиксации «Илиады» и «Одиссеи». Таким образом, через описание истории гомероведения как дисциплины и обрисовки актуальных гомероведческих проблем мы получаем довольно полное представление о специфике гомеровского эпоса с точки зрения как текстологической, так и фольклористической.

Статья П.А. Гринцера «Древнеиндийский классический эпос: «Махабхарата» и «Рамаяна»» начинается с истории сложения памятников и особенностей их прагматики и бытования, а также особенностей их формульности и композиции. Помимо краткого изложения сюжета эпоса и развернутого анализа образов героев мы знакомимся с параллелями между древнеиндийским эпосом и той же «Илиадой» и «Одиссеей». Значительная часть статьи посвящена этической доктрине «Махабхараты» с ее кажущейся противоречивостью. «Рамаяна», в отличие от «Махабхараты», является первым собственно литературным произведением – и эпосом литературным, в отличие от эпоса героического. Через эту призму анализируются ее сюжетные, поэтические и композиционные ходы. Таким образом, перед нами вновь объемный портрет эпической традиции – от истории создания текстов и их краткого содержания до их многостороннего сравнительного анализа.

Статья Т.А. Михайловой «Похищение быка из Куальнге» вновь предлагает нам источниковедческую оптику, касаясь сперва специфики древнеирландских эпических циклов, особенностей употребления термина «сага» применительно к ирландскому эпосу (против нативного «скела») и проблем выделения того или иного эпического цикла из общего корпуса текстов. В ходе этого анализа мы знакомимся с «эмными» категоризациями текстов, характерными для самой древнеирландской традиции, что, в свою очередь, существенно обогащает наше «этное» их восприятие. Доказательно установив, что уладский цикл представляет собой пример именно эпической традиции, мы знакомимся с социополитической подоплекой его создания и особенностями бытования текста в период, ближайший к его письменной, книжной фиксации, что, в свою очередь, подводит нас к теме соотношения устной и письменной традиции в ирландском Средневековье. Затем мы переходим к сравнительному текстологическому анализу дошедших до нас редакций «Похищения...». В общем и целом, анализируя происхождение и прагматику создания «Похищения быка из Куальнге», мы через призму рассмотрения конкретного текста как бы открываем для себя окно в сложный социополитичес-

кий ландшафт средневековой Ирландии; и саги о приключениях Кухулина рассказывают нам множество всего о вполне реальной политической борьбе, о – до определенной степени – убеждениях компиляторов и их вероятном жизненном пути. Таким образом, точно наведенная оптика, раскрывая четко ограниченную на первый взгляд проблематику, сообщает нам куда больше, чем могло бы сообщить простое прочтение текстов эпоса.

Статья И.Г. Матюшиной «Англосаксонская эпическая поэма «Беовульф»», напротив, вновь следует модели широкого всеобъемлющего обзора. Начинается она с описания единственной сохранившейся рукописи поэмы, а затем излагает ее содержание с тем, чтобы в следующей части статьи перейти к подробному ее анализу. Сперва исследуются структура и композиция поэмы и особенности повествования, затем – специфика описания героического и фантастического мира и отношение в тексте христианских и дохристианских элементов. Затем статья рассказывает об истории изучения памятника и о различных исследовательских подходах к нему. Читатель знакомится с основными актуальными проблемами в современном изучении «Беовульфа», от датировки до его анализа в более широком литературном контексте – включая кельтские, классические, скандинавские параллели. Наконец, статья затрагивает вопрос существования устного прототекста «Беовульфа» и вообще проблематику его бытия в устной традиции, поэтику и формульность текста и в финале – место «Беовульфа» в литературной системе и в культуре последовавших веков.

Вторая представленная в сборнике статья И.Г. Матюшиной посвящена эддической поэзии. Сперва описываются дошедшие до нас составляющие ее рукописи – «Королевский кодекс» и дополнительные рукописи, а также тексты «Малой» Эдды, а затем исследуются специфика эддической традиции как восходящей к устной и диахрония ее соответствующей трансформации. Анализируются особенности поэтического языка эддических текстов: специфические элементы фразеологии, формульность, особенности метрики. Затем статья описывает проблемы датировки памятников, основные научные взгляды на этот вопрос и приемы и параллели, применяемые для установления хронологии эддических текстов. Наконец, читатель знакомится со структурой и композицией эддических памятников, с принятым разделением их на мифологические и героические песни, включая изложение их сюжетов. Завершается статья, как и в случае с «Беовульфом», описанием места памятника и его переосмыслений в контексте национальных и мировой культур. Таким образом, читатель получает подробнейшее обзорное представление о главнейших эпических памятниках германских традиций.

Примыкает к этому разделу монографии и статья А.Б. Рыкуновой, исследующая «Песнь о Нибелунгах». Она начинается с истории изучения памятника и общей характеристики дошедших до нас рукописей, затем описывает основные версии происхождения памятника и предполагаемого положения его автора. Далее излагается содержание «Песни...», после чего нас ждет анализ формульности и метрических особенностей текста, и в заключение – краткий очерк последующих литературных и парафольклорных рецепций «Песни...». Эта статья несколько менее экстенсивна, нежели предыдущие, однако также позволяет составить полное и детальное представление об исследуемом памятнике.

Романский эпос в монографии представлен статьей И.В. Ершовой, посвященной «Песни о Роланде» и «Песни о моем Сиде». Первым делом обозначаются лакуны в научной рецепции этих, казалось бы, вполне исследованных поэм, и призмой, через которую осуществляется их заполнение, ставится вопрос соотношения устности и письменности в средневековом романском эпосе. Исследуются проблема генезиса романского эпоса и различные подходы к ее разрешению – как с точки зрения того, считать ли «родительскими» для испанского эпоса германские или французские корни, так и в уже упомянутом нами выше контексте устности/книжности и «малых песен» против «основного ядра» (а также генетической связи эпоса с позднесредневековыми романсами). Проводится сравнительный анализ метрической структуры памятников и их формульности. После этого общего раздела статьи исследуются сперва история изучения «Песни о Роланде» и ее композиционные, языковые и сюжетные особенности, а затем – то же для «Песни о моем Сиде». Два памятника представляются как две модели взаимодействия традиционного эпического материала с историческим контекстом: если в «Песни о Роланде» вписывание традиционного материала в конъюнктуру довольно резко и «швы» видимы «невооруженным глазом», то органичность и даже историчность эпических компонентов в «Песни о моем Сиде», более «человечный» и сложный образ протагониста, нежели в случае с Роландом, его двойственность, с одной стороны, отличают «Песнь о Сиде» от иных памятников европейского эпоса, а с другой стороны, делают выстраивание эпического хронотопа на историческом материале значительно более «бесшовным».

Затем монография обращается к восточным традициям. Статья Т.А. Аникеевой ««Китаб-и дедем Коркут» как памятник книжного эпоса» открывается краткой справкой об истории и языковой специфике огузов, а затем знакомит нас с дошедшими до нас рукописями памятника и ключевыми научными работами о нем. Далее статья представляет нам структуру «Книги моего деда Кор-

кута» и вкратце излагает основные сюжетные вехи, прежде чем перейти к диахроническому анализу составления памятника, специфике его бытования в устных традициях и языковым особенностям – включая, опять же, формульность, что и составляет основное ядро статьи. Формульные словосочетания в «Книге моего деда Коркута» выявляются методом С.Ю. Неклюдова, что позволяет выделить, во-первых, клишированные словосочетания, открывающие и завершающие прорицания Коркута, а во-вторых, примеры грамматической формульности – конструкции с единообразным синтаксическим построением, находящиеся в центре прорицания. При этом устанавливается, что формулы преимущественно восходят к устной тюркской традиции, в отличие от формул мусульманского содержания и соответствующих стилистических клише, преимущественно восходящих к книжности.

Статья С.Ю. Неклюдова, посвященная циклу преданий о Гесере, составляет чрезвычайно важную часть книги. В ней сравниваются монгольские и тибетские версии Гесериады; мифологические корни эпоса восходят, таким образом, к буддистской тибетской традиции, однако монгольская Гесериада, имитирующая тибетскую, по существу основывается на монгольской устной фольклорной традиции. Мы знакомимся с общими контурами сюжета эпоса, а также с эпизодами, специфическими для монгольских версий. При этом книжные версии монгольской Гесериады сохраняют тибетский колорит, в то время как устные более приспособлены к монгольским традициям, но при этом монгольская версия, скорее всего, не являлась изначально попросту переводом тибетской, так как значительнейшая доля материала, вошедшего в нее, явно восходит к местным и сопредельным устным традициям. Исследуются фигура Гесера и ее связь с генеалогическими мифами и тибетской демонологией, а также возможные исторические параллели с его образом и религиозно-мифологический культ Гесера как божества, тесно связанный, тем не менее, с его образом как эпического героя. Затем исследуется фабульная структура монгольской книжной Гесериады и ее рукописи и издания.

Наконец, статья Н.В. Петрова касается русского богатырского эпоса, его устного бытования до сравнительного недавнего времени и его соотношения с книжностью. Сперва исследуется сама специфика книжного термина «былина» (против эмического термина «старина»), а затем – особенности бытования и типология устной русской эпической традиции и ее элементарные сюжеты. Далее статья переходит к парафольклорным записям этих текстов – книжным повестям и «гисториям» о богатырях в целом, а затем детально знакомит читателя с отдельными текстами – эпосом об Илье Муромце, былиной об Иване Годиновиче, сказании

о Михайле Потоке, с повестями о Ставре Годиновиче, «гисторией» о Михайле Даниловиче, со знаменитой былиной об Алеше Поповиче и его противостоянии с Тугариным Змеевичем, повестью о Сухане, а также с сугубо литературным сказанием о семи богатырях, которое представляет собой позднейшее авторское сочинение на основе уже упомянутых ранних текстов. Таким образом, исследуется постепенный переход богатырского эпоса из устной традиции в книжную – сперва парафольклорную, а затем литературную авторскую.

Таким образом, перед нами уникальный академический комpendиум, который представляет нам экспертный взгляд на широкий спектр эпических традиций в контексте традиционной фольклористики и устной традиционной культуры, во-первых, и в не менее широком социополитическом и историческом контексте – во-вторых. Читатель, даже не обладая академическим бэкграундом, не просто учится лучше понимать знаменитые памятники героического эпоса, но открывает для себя через каждый из них целый бескрайний, захватывающий, головокружительно красочный мир, населенный, что важно, не только и не столько богами и героями, сколько людьми из плоти и крови, поющими, рассказывающими и пишущими о них.

Информация об авторе

Мария-Валерия В. Моррис, кандидат юридических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; maire.morris87@gmail.com

Information about the author

Mary-Valerie V. Morris, Cand. Of Sci. (Law), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; maire.morris87@gmail.com